

А.А. Смирнов

Артиллерия Шевардинского редута

Об артиллерии Шевардинского редута целесообразно рассуждать в трех аспектах: во-первых, о ее назначении; во-вторых, о ее количестве; в-третьих, о ее размещении.

Можно добавить к этому вопрос о количестве потерянных на редуте орудий 12-й батареей роты, ибо известно, что ее орудиям должно было составить артиллерию редута, т. е. занять единую огневую позицию.

Итак, попытаемся ответить на вопрос, предназначалась ли артиллерия редута для обстрела неприятельских войск, двигавшихся по Новой Смоленской дороге? То, что она предназначалась прежде всего для обороны редута и огневой поддержки войск в зоне ее обстрела не вызывает, я думаю, сомнений.

В поисках ответа я ознакомился с мнениями 45 участников и современников Бородинской битвы. В одной из редакций рапорта императору Александру I о Бородинском сражении от 27 августа 1812 г. М.И. Голенищев-Кутузов писал: «...построенный нами 24-го числа редут, а также егеря, засевшие в рвах и кустарниках на правом берегу реки Колочи и занимавшие деревни Фомкину, Алексину и Доронино, весьма затрудняли приближение неприятеля по большой дороге...»ⁱ Хотя здесь прямо и не сказано об обстреле приближавшегося по Новой Смоленской дороге к левому флангу русской позиции неприятеля артиллерией Шевардинского редута, но другим путем невозможно затруднить приближение неприятеля, не контратакуя его. Что до огня егерей, то Алексинки, хотя и ближе Фомкина к Новой Смоленской дороге, но все же удалены от нее примерно на 250—300 м, а это предельная дальность стрельбы из пехотного ружья образца 1808 г. Доронино же отстоит от Новой Смоленской дороги дальше Шевардинского редута, поэтому вести по ней стрелковый огонь из

района этой деревни было бы бессмысленно. Следовательно, стрельба егерей по войскам, двигавшимся по Новой Смоленской дороге, не могла затруднить их приближение по этой дороге. Я не берусь анализировать причину появления приведенной записи в документе, оставляя написанное на совести составителя, и возвращаюсь к артиллерии редута.

Д.И. Ахшарумов считал, что неприятель атаковал Шевардинский «редут, наносивший ему большой урон»ⁱⁱ. Как известно из масштабных планов и карт, Шевардинский редут был удален от Новой Смоленской дороги почти на 1700 м (800 сажений). Практическая же дальность стрельбы из самых крупнокалиберных полевых орудий — 12-фунтовых пушек средней пропорции — не превышала 1200 м. Дальность наиболее эффективного огня была вдвое меньше. Конечно, стрелять из орудий, стоявших в редуте, по Новой Смоленской дороге можно было, но такая стрельба не могла нанести «большой урон» неприятелю.

А.И. Михайловский-Данилевский полагал, что одной из задач Шевардинского редута было «удобство действовать во фланг наступающим по большой дороге к Бородину колоннам»ⁱⁱⁱ. Суждение автора весьма близко по сути к вышеприведенному рапорту Кутузова о Бородинском сражении, поэтому и возражение ему может быть аналогично изложенному, исходящему из тактико-технических характеристик отечественной артиллерии. Причем Михайловский-Данилевский сам определил удаление редута от Новой Смоленской дороги в 2 версты, т. е. в 1000 сажений, что тем более должно подтверждать обоснованность моих возражений по поводу степени эффективности флангового обстрела двигавшихся по Новой Смоленской дороге войск. При этом смею утверждать, что и атаки этих неприятельских войск из района редута также не имели бы успеха в силу характера рельефа местности на данном участке.

Известно, что к моменту Бородинской битвы Михайловский-Данилевский был сугубо гражданским человеком и мог не знать возможностей артиллерии, но ко времени написания приведенных строк он должен был бы познакомиться с нею основательно.

Капитан Э. Лабом утверждал, что «ведущийся с Шевардинского редута убийственный огонь нес ужас в наши ряды»^{iv}. Скорее всего Лабом имел в виду огонь, который вела артиллерия редута по наступающим на него войскам. Именно так воспринимал действия артиллерии редута лейтенант Ж. Куанье: «...редут, откуда расстреливали все, что к нему ни приближалось...»^v.

Современник событий Д.П. Бутурлин, явно опираясь на вышеприведенный рапорт Кутузова, писал: «Огонь, производимый из редута, при селе Шевардине построенного, равно и российскими стрелками... весьма беспокоивал прохождение неприятельских колонн по большой дороге». Однако Бутурлин тут же отвергает роль редута в качестве батареи, действовавшей по неприятельским войскам, двигавшимся по Новой Смоленской дороге: «Редут построен был *только* с намерением удобнее открывать направление французских колонн во время прохождения оных»^{vi}.

Каково же было мнение историков, не являвшихся участниками и современниками Отечественной войны 1812 года, по рассматриваемому вопросу?

Н.Д. Неелов считал, что редут был построен не только «для того, чтобы не дать неприятелю возможности, овладев этим пунктом, обозревать все расположение российских войск и иметь вместе с тем возможность действовать во фланг наступающим по большой дороге к с. Бородину колоннам»^{vii}. Рассказывая о бое за Шевардинский редут, Неелов повторил, что Кутузов приказал защищать редут, «желая

затруднить наступление неприятеля по большой дороге на с. Бородино действием ему во фланг»^{viii}. Какое «действие во фланг» имел в виду Неелов? Причины низкой эффективности огневого воздействия на войска, двигавшиеся по Новой Смоленской дороге, артиллерии редута я уже объяснил. В принципе эти войска могли атаковать из района редута русская пехота и кавалерия. Однако, поскольку правый берег Колочи был выше левого на 7—12 м, а левый заболачивался (хотя летом 1812г. и высох) и поднимался к Новой Смоленской дороге под углом 10-15°, французам пришлось бы именно на этом открытом участке выстраивать свой боевой порядок к атаке, что дало бы возможность неприятелю с успехом расстреливать их и артиллерийским, и ружейным огнем с дороги. Несомненно, любая атака в таких условиях обречена на провал с бесполезной потерей людей еще и из-за крайне затрудненного вынужденного отхода (река и ее крутой берег оставались в тылу атакующих). Так что выбор местности и расположение Шевардинского редута исключали возможность активного воздействия обороняющихся на двигавшиеся по Новой Смоленской дороге войска Наполеона.

Позицию за рекой Колочей А.Н. Витмер назвал «чисто пассивной позицией», выбранной исходя из «господствовавших тогда у нас тенденций линейной тактики и пассивных позиций»^{ix}. Н.П. Михневич тоже считал, что «местность была труднодоступна для маневрирования воинских масс»^x.

И хотя никто из серьезных военных историков императорской России, таких как М.И. Драгомиров, А.И. Витмер, Г.М. Ратч, М.И. Богданович, Н.П. Поликарпов, А.П. Скугаревский, А.В. Геруа, А.А. Балтийский, В.А. Афанасьев, Б.М. Колюбакин, В.И. Харкевич, П.А. Ниве и других, справедливо не считал возможным говорить об огневом воздействии артиллерии Шевардинского редута на двигавшихся по Новой Смоленской дороге французов, Е. В.

Богданович в юбилейном издании писал, что орудия Шевардинского редута должны «вредить движению неприятельских войск по Московской дороге»^{xi}. Характеризуя эту работу Богдановича, Витмер подчеркивал, что «она не представляет собою исключения в смысле правдивости приводимых фактов и осмотрительности исторических указаний»^{xii}.

И.Н. Божерянов, будучи, вероятно, не знаком с мнениями перечисленных мною ученых, вторил Е. В. Богдановичу, утверждая, что Шевардинский редут построили, «чтобы удобно действо-

вать во фланг наступающим по большой дороге к Бородину колоннам неприятеля»^{xiii}. Составляя обзор изданий, вышедших к 100-летию Отечественной войны 1812 года, Витмер с сожалением отметил: «Ни одно из попавшихся мне отдельных изданий не может удовлетворить достаточно сведущего читателя даже с фактической стороны»^{xiv}. Думаю, что к такого рода изданиям можно отнести и сборник Божерянова.

Познакомимся теперь с суждениями советских историков.

М.С. Свечников писал: «С этого редута можно было... действовать во фланг тем войскам, которые наступали по Новой Смоленской дороге»^{xv}. Хочется спросить Свечникова, каким он представлял себе действие «во фланг» неприятелю русских войск с редута, если артиллерийский огонь был неэффективен на дальности почти в 2000 м, а действия кавалерии стеснял рельеф. Однако несколькими строками ниже в той же работе Свечников писал: «На Шевардинский редут была возложена задача заставить неприятеля развернуть свои силы и обнаружить направление атаки»^{xvi}. Итак, Свечников считал, что можно было действовать с редута во фланг неприятельским войскам, наступавшим по Новой Смоленской дороге, но этой «возможностью» не воспользовались, так как редут

предназначался для иных целей. Да ей и нельзя было воспользоваться.

Н.Ф. Гарнич в своем откровении превзошел современных ему историков, стремясь доказать, что Шевардинское укрепление «угрожало французам с фланга в случае их движения на Бородино»^{xvii}. Какими же неосмотрительными оказались французы, двигаясь к Бородину по Новой Смоленской дороге в то время, когда Шевардинский редут еще не был взят ими. Видно французы не знали каким угрожающим для них было это укрепление, а Гарнич слишком поздно их об этом предупредил. Спустя шесть лет Гарнич не только повторил прежнее утверждение, но и попытался его обосновать, ссылаясь на тактико-технические характеристики орудий^{xviii}. По Гарничу (источник он не указал), дальность стрельбы пушек ядрами достигала 2500 м, единорогов — 2000 м, а прицельный огонь эти орудия могли вести более чем на 1200 м. Гарнич привел предельную (максимальную) дальность стрельбы, не зная, что в реальных условиях стрельбу вели на практическую дальность, которая составляла около половины предельной, о чем указывалось в «Общих правилах для артиллерии в полевом сражении»: «Выстрелы за 500 сажень (свыше 1000 м. — *A. C.*) сомнительны, за 300 (от 600 до 1000 м. — *A. C.*) довольно верны, а за 200 и за 100 (от 200 до 600 м. — *A. C.*) смертельны»^{xix}. Так что не помогли Гарничу приведенные «доказательства». О.В. Федорова и В.К. Ушаков довольно оригинально подошли к описанию потенциальных возможностей Шевардинского редута: «С господствующих валуевских высот Наполеон осматривал расположение русской армии ... у деревни Шевардино, вокруг укрепленного холма, был замечен небольшой отряд. Он мог ударить французам во фланг при их движении по Новой Смоленской дороге и задержать наступление»^{xx}. Мог, но не ударил и не задержал...

Подобная мысль попала и в почти одинаковые коллективные труды «Бородино, 1812» и «Михаил Илларионович Кутузов». Неизвестно, кто из 10 авторов писал о Шевардинском редуте: «В случае движения на правый фланг русских, наполеоновские войска могли быть подвергнуты отсюда нападению»^{xxi}. Весьма сомнительное предположение. По крайней мере, можно быть уверенным, что 12-я батареинная рота вряд ли сопровождала бы нападающий на неприятеля отряд.

Итак, из более чем 200 просмотренных мною авторов документов, воспоминаний и исследований лишь 122 упомянули о Шевардинском редуте, но только девять из них утверждали, что артиллерия редута ощутимо вредила или могла вредить войскам, двигавшимся по Новой Смоленской дороге, в их число вошли официальные историки Отечественной войны 1812 года Ахшарумов, Бутурлин и Михайловский-Данилевский, а также три досоветских историка и два советских. Можно полагать, что их утверждения базировались на рапорте Кутузова. В иных документах мне не встречалось упоминания об обстреле артиллерией редута Новой Смоленской дороги.

Сколько же орудий было в редуте? Д.И. Богданов утверждал, что в редут поставили только три орудия, а остальные девять были размещены справа от редута^{xxii}. Неизвестный автор замечаний на официальные известия из армии от 27 августа 1812 г. тоже считал, что в редуте были три орудия^{xxiii}. П. Г. Васенко полагал, что в Шевардинском редуте были поставлены 18 орудий^{xxiv}. Скорее всего это описка или явная ошибка. Однако А.И. Михайловский-Данилевский, Н.Д. Неелов, М.И. Богданович, Н.П. Михневич, В.А. Афанасьев, А.В. Геруа, Н.П. Муратов, И.Н. Божерянов, П.И. Андрианов, А.В. Нефедович, Т.В. Бернгарди, М.С.

Свечников, В.В. Прунцов, К.Н. Ефремов, И.Н. Харук, Л.Г. Бескровный, П.А. Жилин, А.А. Струков, Л.П. Богданов, П.М. Володин, А.П. Ларионов, Н.Г. Свиридов, В.Н. Земцов и другие не сомневались, что в редуте стояли 12 орудий. Вполне вероятно, что утверждение о 12 орудиях, поставленных в редуте, изначально принадлежало Михайловскому-Данилевскому и К.Ф. Толю (Бернгарди), а от них перешло во все последующие издания.

Д.И. Богданов строил редут. Думаю, поэтому ему следует доверять, хотя свои записки он писал спустя 57 лет после Бородинского сражения.

Что же до потерь, то Э. Ф. Сен-При^{xxv} и М. Б. Барклай де Тол-ли сообщали о потере трех орудий в редуте^{xxvi}. Французы же утверждали о захвате в редуте от 12 до 5 орудий^{xxvii}. Возможно, три орудия, оставленные в редуте, и были теми тремя орудиями, которые Д.И. Богданов поставил в редут и которые не смогли вывезти из редута. Что же до 9 орудий, стоявших на открытой огневой позиции возле редута, то они были свезены заблаговременно.

Итак, в Шевардинском редуте были установлены только три из 12 орудий роты, которые и были захвачены неприятелем. Эти орудия не могли эффективно обстреливать Новую Смоленскую дорогу по изложенным выше причинам. Однако я склонен считать, что именно расчеты орудий, стоявших в редуте, с честью выполнили приказание А.И. Кутайсова.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. XVI. С. 108.

ⁱⁱ *Ахшарумов Д. И.* Описание войны 1812 года. СПб., 1819. С. 99.

ⁱⁱⁱ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 г. СПб., 1839. Ч. 2. С. 211.

^{iv} Французы в России. М., 1912. Ч. 1. С. 119.

^v Там же. С. 148.

^{vi} *Бутурлин Д. П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м

г. СПб., 1837. Ч. 1. С. 250.

^{vii} *Неелов Н. Д.* Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839. С. 6-7.

^{viii} Там же. С. 16.

^{ix} *Витмер А. Н.* Бородино в очерках наших современников // Военно-исторический сборник. СПб., 1913. № 1. С. 122-123.

^x *Михневич Н. П.* Отечественная война 1812 г. // История русской армии и флота. М., 1911. Вып. 3. С. 145-146.

^{xi} *Богданович Е. В.* 1812 год. СПб., 1912. С. 68-70.

^{xii} *Витмер А. Н.* Указ. соч. С. 116-117.

^{xiii} *Божерянов И. Н.* Поход в Москву Наполеона и бегство его из России. М., 1912. С. 94.

^{xiv} *Витмер А. Н.* Указ. соч. С. 116.

^{xv} *Свечников М. С.* Война 1812 г.: Бородино. М., 1937. С. 49.

^{xvi} Там же.

^{xvii} *Гарнич Н. Ф.* Бородинское сражение. М., 1949. С. 13.

^{xviii} *Гарнич Н. Ф.* Бородинское сражение // Полководец Кутузов: Сб. статей. М., 1955. С. 189.

^{xix} Столетие Военного министерства. СПб., 1903. Т. IV. Ч. 1. Кн.2. Отд. 3. Вып. 1. С. 315.

^{xx} *Федорова О. В., Ушаков В. К.* Поле русской славы. М., 1979. С. 27, 29.

^{xxi} «...Бессмертен тот, Отечество кто спас»: Михаил Илларионович Кутузов / Сост. Б. С. Абалихин, В. С. Антонов, Л. П. Богданов и др. М., 1995. С. 98.

^{xxii} ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 900. Л. 6.

^{xxiii} *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1903. Вып. II. С. 218.

^{xxiv} *Васенко П. Г.* Двенадцатый год. СПб., 1912. С. 84.

^{xxv} *Харкевич В. И.* Указ. соч. Вильна, 1900. Вып. I. С. 152.

^{xxvi} Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 331.

^{xxvii} *Земцов В. И.* Битва при Москве-реке. М., 1999. С. 40.